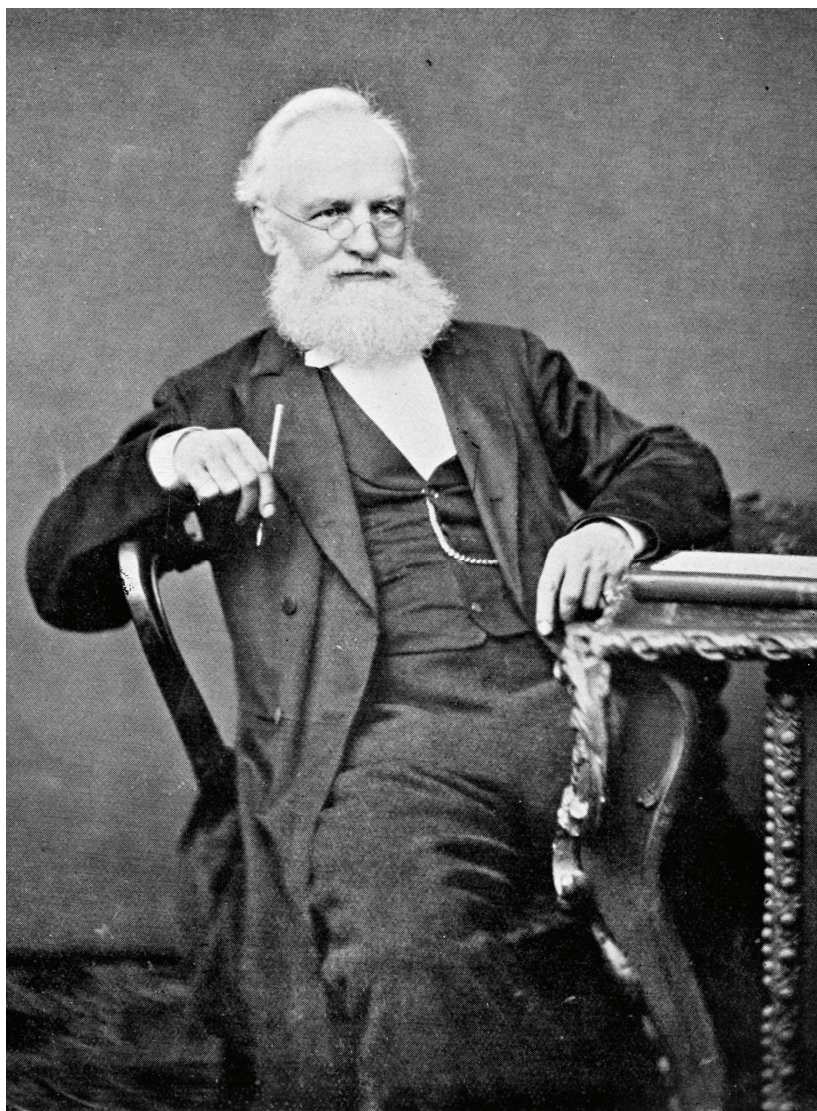

ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ МЕМУАРЫ

В настоящем томе мы начинаем публикацию воспоминаний одного из «отцов-основателей» английской палеоботаники Уильяма Кроуфорда Уильямсона (1816–1895), написанных им незадолго до кончины и дающих выпуклую, сочную картину жизни и деятельности этого выдающегося натуралиста Викторианской эпохи. Внук деревенского пастуха, сын садовника, натуралиста и куратора краеведческого музея, благодаря своим талантам и работоспособности У. Уильямсон сумел получить образование, стать известным врачом и хирургом, основателем Манчестерского отоларингологического института, а в 1851 году – первым профессором естественной истории Оуэновского колледжа в Манчестере и членом Лондонского королевского общества (1854).

С молодых лет Уильямсон был вовлечен своим отцом в краеведческую, природоведческую, музейную деятельность, тесно соприкоснувшись с энтомологией, конхиологией, орнитологией, ботаникой, геологией и палеонтологией.

В течение своей долгой жизни он имел счастье общаться со многими выдающимися учеными мужами своего времени, начиная с основателя биостратиграфии Уильяма Смита, его племянника известного геолога Джона Филлипса и великого сэра Родерика Мурчисона. Будучи членом Манчестерского литературного и философского общества, Уильямсон свел знакомство с выдающимся

У.К. Уильямсон (1876 г.)

химиком Джоном Дальтоном. Он активно переписывался с Ч. Дарвином, Т.Г. Гексли, Ч. Лайелем, М. Фарадеем, Г. Мантелем и Д.С. Миллем. Колоритные портреты некоторых из этих фигур встают со страниц его воспоминаний, отмеченных тонким английским юмором.

К изучению ископаемых растений У. Уильямсон обратился в зрелые годы жизни и несмотря на это немало успел. Благодаря работам Уильямсона стало известно в деталях анатомическое строение каламитов и стигмарий, именно он впервые доказал, что огромные стволы лепидодендронов и сигиллярий принадлежат каменноугольным птеридофитам, а не семенным растениям. Им были получены первые подробные данные об анатомическом строении многих древних птеридофитов и голосеменных растений, легишие в основу мировой палеоботаники. Сенсационное открытие птеридоспермов Ф. Оливером и Д.Г. Скоттом во многом опиралось на представления, выработанные в результате исследований У. Уильямсона.

Один из первых палеоботаников, обративших внимание на теорию эволюции, У. Уильямсон

попытался проанализировать имевшийся в его время палеоботанический материал в отношении к модной в то время теории Ч. Дарвина. В 1874 году он даже выступил в Оуэновском колледже со специальным докладом «Древняя растительность в отношении к доктринам естественного отбора и эволюции», опубликованным на английском и французском языках.

Писать мемуары У. Уильямсон начал еще в 1877 году, но полностью они были опубликованы лишь через год после его смерти вдовой исследователя Э.К. Уильямсон. «Палеоботаническую» главу для этого издания (гл. XIII) готовил к печати другой выдающийся английский палеоботаник – Д.Г. Скотт.

В 1985 году мемуары У. Уильямсона были переизданы репринтным способом британскими исследователями Д. Уотсон и Б.А. Томасом: *Williamson W.C. Reminiscences of a Yorkshire Naturalist.* – Manchester, 1985. – XXII+228 р. Это издание снабжено предисловием публикаторов и некоторыми иллюстрациями.

Редколлегия

Воспоминания йоркширского натуралиста¹

У.К. Уильямсон

Глава I

Рассказ Джона Уильямсона. – Бабушки и дедушки по материнской линии. – Лаборатория Кроуфордов. – Детство. – Дамские школы. – Школа мистера Поттера. – Лебберстон. – Миссис Джонсон. – Уильям Смит. – Томас Хиндервелл. – «Геология йоркширского побережья» Филлипса. – Личность Смита. – Торнтонская школа. – Путешествие во Францию. – Жизнь в Бурбуре.

Ранняя история семей британских ремесленников редко сохраняется, и единственная запись о моем происхождении по отцовской линии – это краткий автобиографический меморандум, который был подарен мне моим отцом много лет назад.

В нем он рассказывает:

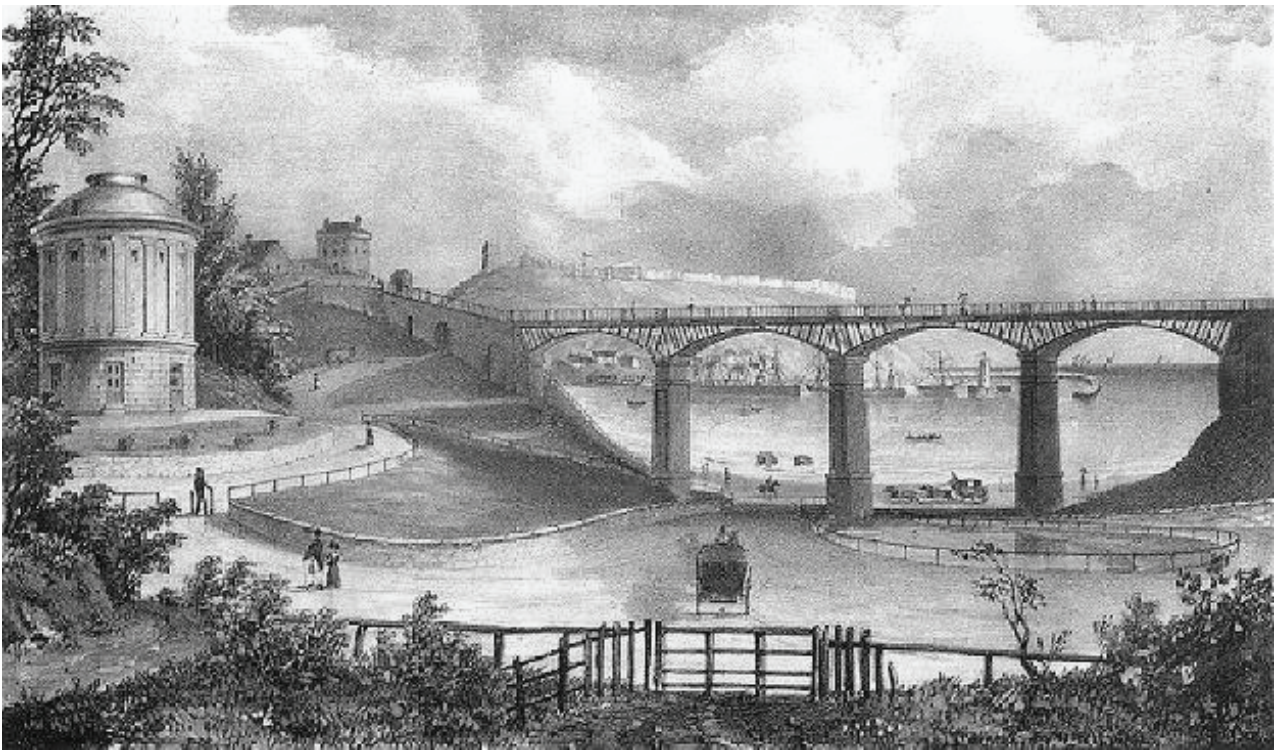
«Единственное, что я помню о своем дедушке, – то, что это был старик, живущий в маленьком коттедже в деревне Фрайдейторп в Восточном Йоркшире, куда однажды к нему повел меня мой отец.

Отец мой работал пастухом у крупных фермеров-овцеводов в том же районе. Он был трудолюбивым, бережливым человеком, у которого

было мало радостей, если не считать визитов в Йорк примерно раз в год.

Деревенский постоянный двор в Фрайдейторпе был местом, где зимними вечерами он часто встречался со своими знакомыми. Двор принадлежал его другу, которому он помогал время от времени, одалживая деньги. Этот человек, обнаружив, что не может больше содержать дом с прибылью, предложил его моему отцу, которого друзья убедили взять его. Это новое дело потребовало от него частых отлучек из дома. Среди других мест, куда он имел обыкновение ходить, был Дриффилд. Там он и познакомился с Мэри Бин и, в конце концов, женился на ней. Ее отец был крупным овощеводом в Бромптоне, неподалеку от Скарборо, и навещался на рынки Скарборо трижды в неделю. Мои отец и мать жили на постоялом дворе в Фрайдейторпе, где я и родился в 1784 году. Они содержали его на протяжении нескольких лет, но найдя это дело безус-

¹ Перевод с английского Ю.В. Мосейчик по изданию: *Williamson W.C. Reminiscences of a Yorkshire Naturalist.* – London: George Redway, 1896. – XII+228 р.

Здание-ротонда Музея и чугунный мост в г. Скарборо (около 1840 г.)

пешным, все бросили и уехали в Скарборо. В это время мой дядя, Уильям Бин, посадил большой фруктовый сад в Скарборо, открытый также в качестве Абонементного прогулочного парка для летних посетителей, которые в нем очень часто бывали².

Когда мне было около девяти лет, меня отправили в эти сады, и, пробыв там примерно два года, я был отдан в обучение к моему дяде еще на семь лет. Прежде чем этот срок истек, дядя умер, и на мою долю выпало вести его дело, пока мне не исполнилось восемнадцать или девятнадцать лет. В этом возрасте, желая усовершенствовать свои познания в садоводстве, я оставил это место и поступил в качестве младшего садовника в Уайкхемское аббатство, находившееся тогда в руках семьи Лэнгли. После трех лет пребывания в Уайкхеме, я стал главным садовником у лорда Малгрейва из Малгрейв-Касла близ Уитби, где я оставался в течение нескольких лет. После возвращения в Скарборо, я нанялся к своему двоюродному брату, Уильяму Бину, продолжавшему дело своего отца с тех пор, как я уехал в

Уайкхем. Ему не нравилась работа управляющего, и он переложил ее на мои плечи, а вскоре он отказался от садов полностью. Тогда я начал дело на свой страх и риск, присматривая за садами некоторых жителей Скарборо, которые обеспечили меня хорошей работой.

Именно в это время в часы досуга я начал изучать геологию, энтомологию, конхиологию и орнитологию. Коллекции, которые я собрал, были впоследствии помещены в Музей Скарборо, который был построен в 1827–1828 годах. В этот музей я был назначен куратором и выполнял свои обязанности в этой должности более двадцати семи лет».

Таков рассказ моего отца о себе. В реестре прихода Фрайдейторп, его родной деревни, сохранилась запись: «Джон, сын Уильяма Уильямсона, крещен 5 сентября 1784 года».

До сих пор я ничего не сказал о моей матери и ее семье. Будучи в Малгрейве, мой отец помолвился, а затем женился на мисс Элизабет Кроуфорд, старшей из тринадцати детей ювелира и гранильщика из Скарборо.

В дальнейшем любвеобильность была очень свойственна безграничной энергии моего отца.

Малгрейв находился примерно в двадцати двух милях от Скарборо, и единственная возможность увидеть невесту представлялась ему по воскресеньям. После того как он заканчивал

² Эти сады занимали все пространство между Хантрисс-роу и нынешней железнодорожной станцией. Их площадь и положение хорошо показаны на карте, опубликованной в «Истории города Скарборо» Хиндервелла (Прим. Э.К. Уильямсон).

работу в садах, в субботу вечером он отправлялся пешком в Скарборо, проводил воскресенье с матерью, возвращался вечером воскресенья и занимал пост по присмотру за своими людьми в понедельник, в шесть часов утра.

Мой дед по материнской линии был шотландцем по происхождению, родился в 1756 году и, насколько я могу судить, был сыном либо фермера, либо мелкого ювелира и часовщика, жившего в Хаддингтоне: последующие события показывают последнее занятие наиболее вероятным.

В то время Шотландия страдала от реакции на события 1745 года³. Преобладающая военная партия состояла главным образом из англичан или ирландцев, чьи офицеры были горды и властолюбивы.

Однажды вечером мой дедушка, гуляя с другом, которого я очень хорошо помню, встретил двух офицеров, которые, хотя они и были не на той стороне, потребовали, чтобы мой дед и его спутник прижались к стене. Обнаружив, что парни не собираются подчиняться команде, о чем они договорились заранее, один из офицеров ударил моего деда своей тростью. В ответ нападавший получил умелый удар, который быстро уложил его на землю.

Размышления вскоре показали молодым атлетам, что при тогдашнем деспотическом настрое чувств военных это может привести к серьезным последствиям. Поэтому в ту же ночь они бежали через границу и, в конце концов, достигли Уитби.

Мой дед сразу же получил работу в часовой и ювелирной лавке; это заставляет поверить в то, что часть его шотландского обучения прошла в подобном заведении. Молодая дочь фермера, которая каждый базарный день проезжала верхом мимо его окна по дороге в Уитби, привлекла к себе его внимание, и он в конечном счете женился на ней, а леди одновременно принесла ему тысячу фунтов. Вскоре молодая чета приехала в Скарборо, где мой дед и обосновался, и из их тринадцати детей моя мать была старшей.

Моя привязанность к этому славному шотландцу, когда я был маленьким ребенком, была

очень велика. Одним из его занятий была чистка часов, и когда ему приходилось выполнять такие обязанности в домах фермеров из пригородных деревень, он брал меня с собой, и, между прочим, [наблюдения за] гнездованием птиц делили время с чисткой часов. Одним из достижений этого старого джентльмена было искусство покрытия стекла сусальным золотом; делал он это очень красиво, но секретным способом, утраченным с его смертью.

Его сын, Уолтон Кроуфорд, который унаследовал отцовское дело, тоже развил особое искусство и делал своеобразные броши-бабочки из местных камней.

Я долгие годы имел привычку проводить много времени в их мастерских, наблюдая за тем, как они режут и обрабатывают алмазными и наждачными кругами различные агаты, находимые тогда в изобилии в прибрежном гравии, и делают из них булавки, браслеты, броши и другие личные украшения — юношеские упражнения, которые впоследствии стали для меня самой большой ценностью более чем на треть столетия, когда научные исследования потребовали, чтобы я посвятил большую часть своего времени подобной работе.

Мой старший брат умер от менингита и, по всей вероятности, от чрезмерного обучения в слишком раннем возрасте. Отец мой, сам не имевший преимуществ образования, решил, что его дети должны начинать свою жизнь в менее трудных условиях; но, к несчастью, он ничего не знал об опасностях, связанных с чрезмерным стимулированием детского ума. Ребенок, о котором идет речь, когда ему не было еще и шести лет, случайно попал в типографию одного друга и, увидев рамку со шрифтом, приготовленную для печати части небольшой газеты, удивил того, кто с ним был, тем, что прочитал шрифт несмотря на его перевернутое положение. Неудивительно, что ребенок умер, когда ему было немногим более пяти лет.

Сам я родился на Хантрисс-роу 24 ноября 1816 года. В то время Абонементные сады уже не существовали, большие участки были отрезаны под строительство. Мой отец продолжал свои научные изыскания, чтобы включить в свои коллекции большое количество окаменелостей, минералов, раковин, ракообразных и насекомых; в результате к задней части дома было пристроено крыло с целью создания просторного помещения для музея, чтобы хранить быстро увеличивающееся собрание природных объектов. Небольшая

³ Речь идет о Втором якобитском восстании 1745–1746 года, поднятом с целью восстановления на британском престоле католического короля из династии Стюартов. Восстание поддерживалось значительной частью католического населения Шотландии и было жестоко подавлено правительственными войсками (Ред.).

комната рядом с этим музеем была свидетелем моего рождения. Моя единственная сестра Элен, родившаяся в 1813 году, тогда еще была жива.

В возрасте около трех лет меня отправили в мою первую школу. В то время еще существовала одна из старинных реликвий города, известная как Больница Святого Фомы. Это была небольшая группа низких, белых, крытых соломой коттеджей. В одном из них пожилая женщина и ее дочь содержали дамскую школу⁴, и здесь они посвятили меня в таинства алфавита. За несколько месяцев до этого родился мой второй брат; он тоже умер от менингита в июле 1822 года, в возрасте трех лет и девяти месяцев. Тем временем меня перевели в другую более продвинутую дамскую школу, которую многие годы содержала на Ньюборо-стрит, рядом с баром, мисс Балмер. Затем я был еще раз переведен, на этот раз в школу, в которой заправляла Мисс Даути.

Примерно в то время, когда умер мой второй брат, в возрасте пяти-шести лет меня перевели в школу мистера Уильяма Поттера, какое-то время располагавшуюся в нижнем конце Хантрисс-роу, а потом на Кинг-стрит. В этом последнем месте, где сыны многих людей из среднего класса Вест-Райдинга получали свое образование, я оставался несколько лет. По справедливости, нельзя утверждать, что эта школа являлась плохим примером того сорта заведений, к которому она принадлежала; но видя, что плата за ее пользу дневным ученикам составляла всего одну гинею в четверть, этот сорт не был высок. Младший учитель редко был знающим человеком, и образовательная система того периода позволяла ему быть скорее слушателем уроков, чем истинным

учителем. В школах этого уровня не было никаких претензий на обучение французскому или немецкому. Об английской грамматике я помню только три урока из Линдли Мюррея. Она сменялась Итонской латинской грамматикой, над которой мне пришлось покорпеть путем зазубривания; обучающей в путаной и неумелой манере применять ее правила к Евтропию, Цезарю, Горацию и Вергилию, но очень мало сведущей в этом предмете как тогда, так и надолго после.

После смерти моего второго брата летом 1822 года от той же мозговой болезни, которая стала причиной смерти его предшественника, доктор Томпсон, способный врач, а также фанатичный приверженец розог, предупредил моих родителей, что меня надо забрать из школы, иначе я кончу точно так же. Отсюда и первый из многих перерывов, которые свели мою школьную карьеру почти к нулю. Меня послали на ферму одного знакомого, который жил в Лебберстоне, примерно в пяти милях от Скарборо. Здесь в дни моих каникул я носился среди стогов сена, перепрыгивал через кукурузные снопы, следовал за повозками в поле и обратно и вернулся в свой дом и школу, только когда лето подходило к концу.

В доме моего отца жила пожилая вдова по фамилии Джонсон, на которую возложили всю домашнюю заботу о нас детях. Когда старая леди умерла, она оставила моему отцу несколько сотен фунтов, которые должны были помочь нам; но, к сожалению, всю свою жизнь он имел страсть к спекуляциям в сфере судоходства и всякий раз, когда у него оказывались деньги, потакал этой склонности. Итак, на этот раз новое завещание сделало его совладельцем брига под названием «Меркурий», который, спустя несколько лет, похоронил свою карьеру и основную часть инвестиций отца среди скал к югу от Скарборо-Спа.

Между тем, моя школьная жизнь была чередованием нерегулярных посещений школы, сменяющихся более или менее длинными каникулами. Начало каждого летних каникул возвещалось публичными декламациями, подготовка к которым серьезно мешала школьным занятиям в течение большей части июня. По этому случаю я познакомился с трагедией Хоума «Дуглас», [пьесой] «Король и мельник Мэнсфилда» и позднее с «Девой озера» Скотта.

После каждого из этих выступлений несколько недель регулярно проводились в Лебберстоне. Я не сомневаюсь, что мистеру Смиту, фермеру, были даны инструкции держать меня как можно

⁴ Доктор Уильямсон часто описывал свои уроки чтения; один из них особенно запомнился ему. Ясным весенним утром, когда солнечный свет лился в окно коттеджа и тлеющий огонь почти погас, дама, старушка в чепце с оборками, сидела в кресле и вязала; ученик, энергичный белолицый мальчик в алом платье и белом передничке стоял у ее колен, держа в руках лист размером в шесть квадратных дюймов, называемый ракеткой, на внутренней стороне которого был напечатан алфавит: заглавные буквы с одной стороны, малые — с другой. Дама, почти спящая, но продолжавшая машинально вязать, пробубнила: «Большая А, Вилли», а Вилли, глядя куда угодно, только не на букву, повторил. «Малая А, Вилли», — пробубнил сонный голос. Вилли опять повторил, когда бабочка, первая в этом сезоне, попала ему на глаза, и юный натуралист, несмотря ни на даму, ни на буквы, метнулся вслед за ней (*Прим. Э.К. Уильямсон*).

дольше на свежем воздухе. Поэтому он дал мне понять, что на меня возложена особая должность, от которой зависело благополучие фермы. Меня снабдили жестяной банкой с гравием, и моей обязанностью было бродить по кукурузным полям, грохоча банкой, чтобы отпугивать птиц и мешать им клевать зерно. Многие из этих одиноких часов были потрачены на потворство смутным мечтам, свойственным мальчишескому стремлению быть «кем-нибудь». Теперь, я был Норвалом, лордом Дугласом; стебли щавеля снабдили меня мечами, моя соломенная шляпа стала щитом; и с этим вооружением в сочетании с героическими монологами под дребезжание моей банки проходили дни с пользой для здоровья, а мое честолюбие, несомненно, состояло в том, чтобы быть героем.

В 1824 году мой отец познакомился лично с великим Отцом геологии, Уильямом Смитом⁵, и с его впоследствии выдающимся племянником, покойным профессором Джоном Филлипсом⁶.

В 1826 году доктор Смит и его эксцентричная жена обосновались в нашем доме, где они обитали довольно продолжительное время. В том же году мой отец стал другом и корреспондентом покойного сэра Родерика Мурчисона, которого доктор Смит и он сам сопровождали во время геологической экскурсии по наиболее важным местонахождениям йоркширского побережья, с которым мой отец был так хорошо знаком. В 1825 году Томас Хиндервелл, выдающийся историк Скарборо, умер, оставив небольшую коллекцию окаменелостей и минералов своему племяннику Уильяму Торнтону Дьюсберри, адвокату из Скарборо, который предложил отдать ее городу, когда он возведет подходящий музей, чтобы ее принять. Благодаря этому предложению были немедленно предприняты шаги для возведения нынешнего музея, мой отец был сразу назначен куратором, и в связи с этим было создано литературное и философское общество. Одним не

Уильям Смит

менее важным событием для меня была публикация профессором Филлипсом, тогдашним куратором музея в Йорке, его классического труда «Геология йоркширского побережья»⁷. Вплоть до этого времени коллекция окаменелостей моего отца была практически безымянной, но появление книги Филлипса, в которой большинство наших образцов было изображено, дало нам возможность исправить этот дефект. Каждый вечер мы посвящали выполнению этой работы. Это был мое первое введение в настоящее научное исследование. Я уже давно сопровождал моего отца в его геологических экскурсиях, и примерно в то же время мы работали вместе над собиранием коллекции жесткокрылых и чешуекрылых Северо-Восточного Йоркшира; но точная научная палеонтологическая номенклатура раньше вовсе не входила в мои исследования. До сих пор у нас не было ничего, что могло бы вывести нас за пределы ненаучного тома Янга и Бёрда о геологии йоркширского побережья. Основательная книга Филлипса положила начало совершенно новому порядку вещей. Не раз я сожалел о публикации этой книги и о непосредственно вытекающих из этого последствиях. Вместо того что-

⁵ Уильям Смит (1769–1839) – знаменитый британский геолог и инженер, один из основоположников биостратиграфии. Составил первую геологическую карту Англии и Уэльса. В последние годы жизни проживал в Скарборо, где принял активное участие в создании музея, который был построен по его проекту (Ред.).

⁶ Джон Филлипс (1800–1874) – британский геолог и палеонтолог, астрофизик и метеоролог. Ввел в употребление понятия *мезозой* и *кайнозой*. После ранней смерти своих родителей воспитывался в семье своего дяди У. Смита (Ред.).

⁷ Phillips J. Illustrations of the geology of Yorkshire; or, A description of the strata and organic remains of the Yorkshire coast: accompanied by a geological map, sections, and plates of the fossil plants and animals. – York: T. Wilsons and sons, 1829. – 192 p. (Ред.).

Родерик Импи Мурчисон

бы предаваться играм и безделью, к чему склонны большинство мальчишек, я посвящал длинные зимние вечера ненавистному труду по наименованию этих несчастных камней. Такова недалёковидность отрочества. Занятие этой неприятной работой дало мне в тринадцать лет основательное практическое знакомство с палеонтологическими сокровищами Восточного Йоркшира. Это раннее приобретение счастливо сформировало весь ход моей будущей жизни.

Одной из величайших фигур, которые когда-либо посещали Восточный Йоркшир, был Уильям Смит, знаменитый Отец английской геологии. Мои юношеские воспоминания о том, как старый инженер чертил треугольник на плитах нашего двора и учил меня его измерять, очень ярки. Коричневые бриджи и серые камвольные чулки, глубокий жилет с карманами, набитыми нюхательным табаком, достаточное количество которого постоянно исчезало внутри тонко очерченной ноздри, и темный сюртук с округлыми очертаниями и несколько квакерским кроєм – все это ясно отпечаталось в моей памяти.

Проводя большую часть утра за письменным столом, ближе к полудню он будет медленно направляться к музею, где всегда найдет в лице моего отца друга, с которым можно поболтать о горных породах Котсуолдса, глинах Киммериджа или об осушении Восточных Болот. Он изло-

жит в Кольриджевской манере⁸ свои представления об их отношении к слоям Йоркшира и других частей Англии. Его походка никогда не менялась; она была медленной и величавой; обычно в нескольких ярдах за ним следовала его розовощекая спутница жизни. Мы тысячу раз созерцали этого прекрасного старика, который среди своих любимых местечек таким образом заложил основы геологической науки.

Поразительна была память Смита, особенно в том, что касается его собственной жизни. В тот раз, когда, как уже упоминалось, он и мой отец сопровождали сэра Родерика и леди Мурчисон⁹ вдоль побережья Йоркшира, они расстались в Солтберне. Практика Мурчисона в Брора в Шотландии, где у него было имение, в пределах которого он подозревал присутствие оолитовых слоев, и для исследования которых он только что получил практический урок, была ценной подготовкой. Смит и мой отец возвращались пешком в Уитби, непринужденно переговариваясь по пути. Они преодолели уже много миль по живописной и постоянно меняющейся дороге, когда достигли места, где она вот-вот должна была сделать небольшой поворот. Они уже прошли несколько таких же поворотов, но по достижении упомянутого места Смит сказал моему отцу: «Вот уже минуло двадцать восемь лет с тех пор, как я шел последний раз по этой дороге, но если я правильно помню, когда мы повернем за тот угол, мы увидим мостик через ручей». Слова едва успели слететь с его губ, когда оба уже стояли на мосту, а ручей шумел под их ногами.

Начало 1831 года было проведено в Торнтоне, близ Пикеринга, с преподобным Томасом Ир-

⁸ Речь идет о поэтическом стиле английского поэта-романтика С.Т. Кольриджа (1772–1834) (*Ред.*).

⁹ *Сэр Родерик Импи Мурчисон* (1792–1871) – знаменитый британский геолог. Среди его многочисленных заслуг – выделение силурийской, девонской (вместе с А. Седжвиком) и пермской систем. По приглашению русского правительства в 1840–1841 годах совершил два путешествия по Европейской части России и Уралу, на материалах которых составил фактически первое подробное описание геологического строения указанных территорий.

Его жена *Шарлотта* (ур. *Гюгонин*; 1788–1869) часто сопровождала его в геологических экскурсиях, собирала окаменелости и делала зарисовки геологических объектов. Эта женщина резко отличалась от мужа как по образованию, так и по интеллектуальным запросам. Именно под ее влиянием Мурчисон, который до того интересовался почти исключительно охотой, в 33 года увлекся геологией (*Ред.*).

Карикатура «Свет науки, который рассеивает мрак, покрывающий мир», нарисованная английским геологом Генри де ла Бешем в 1832 году и изображающая леди Мурчисон

вингом, учителем маленькой деревенской средней школы. Для меня это было восхитительное время. Путь туда мы держали вместе с сыном торговца из Скарборо, который поступил в эту школу до меня, и наше путешествие было весьма примечательным, так же как неопытность отрочества и отсутствие принципиальности у служащих дилижанса. Мы ехали из Скарборо в Стейнтон, находящихся на расстоянии десяти миль, йоркским почтовым дилижансом, при выходе из которого ко мне подошел за чаевыми кондуктор – так было принято в те дни. В своем невежестве (это было мое первое самостоятельное путешествие), хотя мы проехали только одну станцию, вместо того чтобы дать ему полагающиеся шесть пенсов, я счел своим долгом отдать, также как он посчитал своим долгом взять, да еще от молодого неопытного парня, полкроны¹⁰. Но это была не единственная наша глупость; мы должны были пройти пешком пять миль, лежащие между Стейнтоном и Торнтоном, где нас ожидал чай. Но разве мы были не в путешествии и разве мы не думали, что прекрасно делать то, что, как мы слышали, делают другие путешественники? *Ergo*¹¹, мы за-

казали, чтобы нам приготовили чай на постоялом дворе перед нашей прогулкой. Ни один чай, который мы когда-либо пробовали, не был так вкусен, как тот, что мы заказали и оплатили сами. Была нужда в чае или нет, не имело никакого значения; роскошь быть самому себе хозяином составляла особую прелесть, хотя она и разорила наши карманные деньги.

Приступив к школьным занятиям, я обнаружил себя в непривычной атмосфере. До сих пор я, вместе со своим классом, был приучен готовить шестьдесят или семьдесят строк Вергилия в пределах часа. Вещь невозможная для молодых, плохо обученных ребят. Я с ужасом ждал мое первое задание по латыни в новой школе. Оно было вскоре дано и состояло из трех строк «Энеиды». Я не мог понять, что значит такая приятная перемена, но смысл ее стал ясен, когда весь класс встал вокруг стола мистера Ирвинга. Мы ожидали понять не только каждое слово, но каждый слог или букву как синтаксиса, так и просодии в этих трех строчках. Это было для меня настоящим откровением относительно того, что значит истинное обучение, и позднее его потеря стоила мне многих ночей, полных слез. Две вещи в истории этой короткой школьной жизни

¹⁰ Полкроны составляет 30 пенсов (Ред.).

¹¹ *Лат.* Следовательно (Ред.).

стоят того, чтобы их записать. Мы имели право на свободные полдня дважды в неделю, но не в какой-то определенный день. Поэтому, если день выдавался необычайно погожим, нам оставалось только попросить, чтобы получить обычные полдня или чтобы обе половинки слились в одно великолепное целое. В этих случаях мальчишки и младшие учителя одинаково радовались в своих блужданиях по далеким лесам и пустошам. Эти прогулки по прелестному известняковому краю были истинным наслаждением. Я принес в школу все сети и прочие энтомологические приспособления для увеличения музейной коллекции британских насекомых, которыми район вокруг Торнтона был удивительно богат. Вкус к таким поискам быстро распространился среди мальчиков, и охота на насекомых вскоре стала популярным занятием, когда бы мы ни были свободны, пусть даже всего на полчаса.

Это счастливое время закончилось слишком быстро. В конце июня я вернулся в Скарборо, и затем начался еще один из многочисленных перерывов в моей школьной карьере. Это продолжалось до самого конца сентября, и эти три месяца снова были потрачены на сбор растений, птиц и окаменелостей для музея.

В следующий раз мои родители решили отправить меня на время во Францию; и услышав, что сын торговца из Лидса, знакомого моего отца, учился в школе в Бурбуре, в городке к северо-востоку от Кале, решили, что я должен тоже ехать. То, что последовало за этим, характеризует два нередких в те дожелезнодорожные времена обстоятельства, а именно – отсутствие опыта в путешествиях и сильную нехватку наличных денег вместе с дорогостоящими расходами на дорогу. Один из братьев моей матери занимал ответственную должность в торговом складе, который находился в Чипсайде, на углу Вуд-стрит, и моим первым делом было найти дорогу к нему. Мне никогда раньше не приходилось бывать более чем в двадцати милях от дома. При этих условиях, было бы разумно для моих родителей убедиться, что мой дядя дома и может принять меня, вместо того чтобы опрашивать неопытного молодого парня в самом сердце Лондона одного. Пароход «Джеймс Уатт», курсирующий между Литом и Лондоном, забрал меня из Скарборо во второй половине дня в последнее воскресенье сентября 1831 года и высадил меня в Блэкуолле рано утром во вторник. Затем я должен был преодолеть расстояние в несколько миль до Лондона и, ничего не зная ни об омнибусах, ни о кэбах, я

сел в первую же повозку, которую нашел на причале, двухконную наемную карету, за которую я должен был заплатить семь шиллингов и шесть пенсов из моего тощего кошелька. Добравшись до склада моего дяди, я получил обескураживающую информацию, что он находится в Шотландии и его не будет дома еще несколько дней. Пароход, который должен был доставить меня дешево в Кале, отплывал из Темзы вскоре после полудня, а тем временем мне нужно было идти в резиденцию французского посла чтобы получить паспорт. Добрый глава фирмы, в которой работал мой дядя, объяснил мне куда идти, чтобы получить этот незаменимый документ. Следуя его указаниям, я оказался лицом к лицу с французскими чиновниками, которые немедленно сообщили мне, что паспорт может быть выдан такому парню как я только при условии, если бы со мной был кто-то постарше для оформления заявки.

Я сказал им, что не могу больше ждать, что уезжаю из Лондона на пароходе, который отплывает через час или два, но все напрасно; они были неумолимы, и я был вынужден вернуться в Чипсайд и сообщить моему новому другу о провале моей миссии. Тогда он любезно проводил меня до паспортного стола, где мои глаза, нос, рот и брови были должным образом описаны на проштампованном документе, который я затем получил. А между тем пароход уже отплыл. Я хорошо помню своего доброго спутника, который проводил меня обратно в Чипсайд путем, который позволил мне увидеть знаменитый Ковент-Гарденский рынок, но по достижении склада возник немаловажный вопрос: что же делать? Никакое другое пассажирское судно не отплывало из Лондона в Кале до следующей пятницы. Тогда торговец посоветовал мне снять квартиру в знаменитом каретном дворе «Кросс-Киз» на Вуд-стрит, как раз напротив конца его собственного склада. Я вступил во владение бедным, но недорогим чердаком и приступил к обдумыванию своего положения. Вскоре я пришел к выводу, что мой скудный запас денег совсем иссякнет к пятнице, не оставив ничего, с чем можно было бы добраться до Кале и Бурбура.

Безмерно несчастный и не знающий, что делать, я бросился на свою кровать, а потом вспомнил, как когда-то слышал, что в беде ничто не приносит такого утешения, как чтение Библии! Я сразу же достал из своего сундука книгу, которую моя мать положила туда, и приступил к эксперименту; с каким результатом, я не могу

сказать. Однако мне стало ясно одно: я должен найти какой-нибудь более быстрый способ добраться до Кале, чем ждать пятничный пароход. Владелец «Кросс-Киз» был вызван на совет, и я узнал от него, что в восемь часов вечера из его двора выезжает дилижанс, который прибудет в Дувр рано утром. Это был гораздо более дорогостоящий маршрут, чем тот, которым я намеревался следовать, но для меня не было иного менее дорогого пути. В нужное время я уже был наверху экипажа, который едва успел миновать пригород Лондона, когда начался сильный дождь, и задолго до того, как мы добрались до Кентербери, я промок до костей. В этом месте у нас была небольшая остановка у почтовой станции, где мы надеялись насладиться роскошью горячего кофе. Но повсюду нас преследовал рок. Мы вошли в гостиницу только чтобы найти заspanную служанку, которая в тот момент подносила спичку к большой куче черного угля, который вообще отказывался зажигаться, в то время как мы продолжали дрожать от холода. Мы вернулись к нашему экипажу более голодными, чем когда спустились с него, и кончили мокрое и жалкое путешествие только по прибытии в Дувр.

Тогда и в течение многих долгих лет после мое самое большое честолюбие состояло в том, чтобы наступило время, когда я бы мог позволить себе путешествовать внутри дилижанса.

Дорогу из Кале в Бурбур, расстояние в четырнадцать или пятнадцать миль, нужно было преодолеть в наемном экипаже, звенящей одноконной повозке. Примерно на полпути я увидел у обочины кабаре, чья вывеска объявляла, что «*Vin Ordinaire*¹²» ожидает внутри. Я никогда не пробовал подобного напитка и подумал, что не прочь это сделать. Поэтому я дал своему кучеру франк и попросил его принести мне столько, сколько можно купить за эту монету. К моему удивлению он достал огромный кувшин, десятой части которого было достаточно, чтобы удовлетворить мое любопытство, а он быстро уничтожил остатки.

Я прибыл в дом месье Монтё, моего будущего школьного учителя, около десяти часов вечера. Дверь отворил высокий учитель-англичанин, который, конечно же, захотел узнать цель моего визита. Когда я сказал ему это и то, что письма, предупреждающего о моем приезде, не было, он спросил, откуда я родом, и когда я дал ему эти небольшие сведения, он был поражен еще боль-

ше, обнаружив, что мои родители жили в нескольких милях от его собственного йоркширского дома. Месье Монтё был вызван и тотчас же объявил мне, что в его школе нет свободных мест – новый довесок к моим юношеским несчастьям. Но он предложил отправить меня к своему отцу, аббату Монтё, у которого была своя школа в сотне миль к югу от Бурбура. К несчастью, у меня не только не осталось денег, чтобы заплатить за такое дальнейшее путешествие, но я был даже вынужден потратить десять шиллингов, которые доверили мне друзья мальчика из Лидса. Дело выглядело безнадежным, но, в конце концов, было решено, что я должен оставаться там, где был, до тех пор, пока не смогу связаться со своими родителями. Однако вскоре мне сказали, что для меня можно найти свободное место пансионера, своего рода привилегированного класса, который обедал за маленьким столиком в центре *salle à manger*¹³, в то время как другие мальчики сидели за столами, расставленными вдоль стен комнаты. Эта элита также имела привилегию оставаться в салоне по воскресеньям на десерт и французское вино после того, как остальные мальчики уходили. Хотя за все это бралась немалая дополнительная плата, мои родители, к сожалению, согласились.

Вскоре я обнаружил, что учусь в практически английской школе во Франции. Мадам Монтё была великолепной английской леди, младший учитель был сыном йоркширского фермера, и у нас было больше английских мальчиков, чем французских. Хотя был наложен номинальный штраф на каждого ученика, пойманного на том, что он говорит не по-французски, мы на самом деле разговаривали почти исключительно по-английски. Посылать английских ребят изучать французский язык в школы такого типа было тогда обычным делом, а может быть, так и до сих пор. Я могу только удивляться, что родители, обладающие хотя бы каплей житейской мудрости, так поступали. Было бы хорошо, если бы меня направили в школу аббата Монтё, я мог бы тогда немного выучить французский; а так я не выучил ничего.

Даже обучение классическим предметам разительно отличалось от того, которое несколько месяцев назад стимулировало мои успехи в Торнтонской школе. Я чувствовал, что сдаю, а не завоевываю позиции, и ночь за ночью, несчастный и обескураженный, я плакал, пока не засыпал.

¹² *Фр.* Обыкновенное вино (*Ред.*).

¹³ *Фр.* Столовая (*Ред.*).

Краткий опыт показал мне общественную жизнь школы, над которой властвовал задиристый парень из Лидса, не тот, которому я должен был привезти десять шиллингов. Любой мальчик, который навлекал на себя неудовольствие этого парня, сразу отрезался им от общения со всей остальной школой, и так оставалось до тех пор, пока он сам не разрешал снять этот запрет. Сначала два несчастных цветных парня из Вест-Индии пали жертвами этого деспотизма. Затем я и единственный парень в школе со скольконибудь высоким социальным положением, сын одной из знаменитых лондонских семей, попали в немилость к тирану и подверглись такому же обращению. Мы были на несколько месяцев отрезаны от своих товарищей, до того самого дня,

когда я покинул Бурбур. Как велик был страх перед этим ужасным парнем, можно судить по тому факту, что за все это время никто не решился сообщить месье Монтё о том, что происходит. Когда, однако, он, один из самых добрейших людей, узнал о таком положении вещей, тиран был низложен с позором.

Мой печальный опыт в континентальной школе побуждает меня предостеречь родителей, которые даже в наши дни отправляют своих детей за границу, чтобы они как можно более подробно разузнали, какого рода то заведение, которому они доверяют свою молодежь. Я уехал из Франции, выучив разговорный французский язык немногим более того, с чем я приехал, и не получив взамен никакой пользы.

(Продолжение следует)